

ОТЗЫВ

на диссертацию Кочерова Олега Сергеевича «Геополитический анализ факторов влияния на внешнюю политику КНР», представленную на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 23.00.04 – политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

На фоне роста международного веса Китая возрастает важность понимания внешней политики соседней страны. Существенным аспектом проблемы является влияние на внешнеполитический курс КНР традиционной культуры и философии.

Автор диссертации обоснованно отмечает, что китайское руководство все чаще использует концепции древнекитайской мысли в изложении государственной политики. Особенно заметной эта тенденция стала после прихода к власти Си Цзиньпина. Параллельно власти КНР проводят курс на формирование национально окрашенных теорий с китайской спецификой в области общественных и гуманитарных наук, подчеркивая неприемлемость полного копирования западных теорий. И это служит дополнительным аргументом в пользу выявления уникальных факторов, формирующих китайские подходы к внешней политике. В 2018 году в Китае появились нормативные «внешнеполитические идеи Си Цзиньпина новой эпохи социализма с китайской спецификой».

Меняющаяся реальность, в которой Китай становится все более «китайским», побуждает зарубежных исследователей искать новые подходы к изучению незападных аспектов китайской политики вообще и внешней политики в частности. Изучение современных китайских теорий международных отношений стало модной темой, по которой все больше научных публикаций появляется в России.

Свой вариант трактовки проблемы представил О.С. Кочеров, предпринявший попытку комплексного анализа философских и культурных

оснований внешней политики Китая. Специфической особенностью исследования стало рассмотрение китайской игры вэйци в качестве модели принятия стратегических решений. Рамки «игровой геополитики» вполне соответствуют китайскому понятийному аппарату, понятие «игра» (博奕) достаточно часто встречается в китайской общественно-политической литературе применительно к международным отношениям. Однако само по себе это не является китайской спецификой. Об «играх» больших держав» говорят и на Западе, там же появилось ставшее модным и используемое в негативном ключе понятие «игра с нулевой суммой». Там же на Западе появился образ «большой шахматной доски».

Предпринятая автором попытка нарисовать восточный вариант концепции «большой доски для игры в вэйци» носит монументальный характер. Работа занимает почти триста страниц, диссертант совершает подробные экскурсы в сферы западной политологии, политической истории древнего Китая династий Шан и Чжоу, истории доциньской мысли. Часть этого материала ради компактности и стройности аргументации, наверное, можно было отложить для будущей исследовательской монографии. Диссертант продемонстрировал способность грамотно ориентироваться в современных китайских научных публикациях, показал способность самостоятельно трактовать древние китайские тексты.

Наличие полемического компонента (спор с тезисом А. Джонстона о противоборстве в китайской стратегической культуре парадигмы конфуцианства и парадигмы реальной политики) помогло более отчетливо выявить научные позиции самого диссертанта. Вместе с тем не до конца проясненным остался тезис о существовании терминологического «разброса» в китайских научных публикациях (С. 30). Китайские исследователи используют не только понятия «стратегическая культура» и «военная культура», но прежде всего понятие «дипломатическая культура» 外交文化, которое имеет самое прямое отношение к содержанию исследования, однако в обзорном введении не рассмотрено.

Диссертант обоснованным образом соединил концептуальный анализ стратегической культуры с поиском источников китайской дипломатической традиции с опорой на исторические материалы. Эти проблемы не являются умозрительными и оторванными от жизни, поскольку китайская внешнеполитическая пропаганда регулярно обращается к прошлому ради обоснования тезисов об исконном миролюбии китайской нации и, в довершение, для обоснования тезиса об исконной воинственности и конфронтационности духа западной цивилизации.

Диссертант предложил анализировать модель стратегической культуры на геокультурном, дипломатико-военном и политико-легитимном уровнях. Значительное внимание автор уделяет культурному восприятию пространства древними китайцами, что в дальнейшем позволяет включить пространственные комбинации игры вэйци в анализ внешнеполитической традиции. Диссертант сделал вывод, что идеи китайских стратегов близки к моральному реализму и их более целесообразно рассматривать через призму тактической культуры. Созданная на этой основе матрица китайской стратегической культуры состоит из четырех парадигм: конфуцианской, моистской, легистской и вэйци. Это заслуживающая внимания авторская конструкция, которая способна стать основой для дальнейших исследований – особенно в том случае, если более пристальное внимание будет уделено воздействию на китайскую внешнеполитическую культуру оставшейся за скобками парадигмы даосизма.

Четвертая глава диссертации нацелена на выявление присутствия выявленных «парадигм» в политической практике современного Китая. Этот раздел содержит самое большое число как творческих находок, так и спорных моментов. При использовании политических слухов и «апокрифов» серьезному ученому следует делать соответствующие комментарии и оговорки. Яркая фраза о том, как в 2014 году Си Цзиньпин в Пекинском университете похвалил одного студента за агрессивную игру и предложил китайским дипломатам у него учиться, имеет единственный источник в

южнокорейском СМИ (С. 156). В китайском культурно-политическом пространстве это событие отсутствует. Хотелось бы спросить – стоит ли тогда верить столь же «апокрифичному» сообщению о том, что китайские цензоры приложили усилия к удалению этой новости из интернета (см.: 习要中共外交学围棋攻势文章被部分删除 <http://www.epochtimes.com/gb/15/6/7/n4452115.htm>)? Где, в таком случае, проходит граница между публичным и непубличным присутствием вэйци в китайской политике?

Трактовка современной китайской политики по отдельным фразам, почерпнутым из западных СМИ, приводит к упрощению материала, чего не было в первых трех разделах. Так, на с. 183, в 2014 году Си Цзиньпин якобы призвал к переселению части уйгурского населения Синьцзяна в другие провинции Китая, а также к расширению ханьского миграционного потока в Синьцзян. Для автора «Нью-Йорк Таймс» такой поворот изложения вполне позволителен. Для написания диссертации следовало потратить время, чтобы посмотреть первоисточник. А там было сказано, что все нации должны друг друга понимать, уважать, ценить, «подобно семенам граната держаться вместе», что следует развивать контакты между национальностями, поощрять двуязычное образование, организовано расширять масштабы для образования, трудоустройства и проживания этнических меньшинств Синьцзяна во внутренних районах Китая, содействовать сплоченности этнических групп в процессе совместной трудовой деятельности и обучения по месту работы (см.: 习近平在第二次中央新疆工作座谈会上发表重要讲话 http://www.xinhuanet.com/photo/2014-05/29/c_126564529.htm).

Односторонний акцент на жесткости китайской политики по отношению к этническим меньшинствам помогает диссертанту обосновать ее «легистский характер». Однако более полное знакомство с предметом показывает, что чистых и абсолютных стратегических парадигм в китайской политике не найти. Политика окультуривания и привития мейнстримных ценностей на окраинах – это парадигма конфуцианства. Акцент на

экономических выгодах и процветании можно найти в моизме, если не понимать его в узком смысле как доктрину активной обороны. «Система социального кредита» - это инструмент «легизма» по отношению к ханьцам или это стимул для морального самосовершенствования?

Автор полагает, что кредитование Китаем неэффективных проектов за рубежом «вполне закономерно с точки зрения конфуцианской парадигмы», точнее с точки зрения преодоления ее былой замкнутости и освоения любой ценой «дальних рубежей Поднебесной» (С. 229). С точки зрения внешнеэкономической политики КНР этот тезис нуждается в более глубокой разработке. С точки зрения внешнеполитической идеологии тут недостает анализа ставшего при Си Цзиньпине нормативным «правильного взгляда на долг и выгоду».

Рассуждения о том, что КПК «формально отказывается от китайского философско-культурного наследия» являются упрощением, тем более что автор тут же напоминает об «антиконфуцианском» характере культурной революции (С. 61). Вряд ли стоило писать о том, что «даже Мао не смог очистить Китай от его истории и культуры», поскольку тот и не пытался этого делать. Другое дело, что поиск коммунистами в китайской древности «прогрессивных мыслителей», «материалистов» и «диалектиков», «выразителей интересов народных масс» за рамками конфуцианского мейнстрима приводил к созданию весьма непривычной картины китайского идейного наследия. Кстати, произведения древних легистов в Китае открыто издавали во времена «культурной революции».

Предложенная автором схема «большой доски взйци» позволяет по-новому взглянуть как на историю китайской культуры, так и на современную внешнюю политику Китая. Проведенное исследование представляет большой интерес, хотя автору предстоит еще немало потрудиться над тем, чтобы глубоко и обоснованно продемонстрировать связь разработанной схемы с политикой наших дней.

Полученные диссертантом научные результаты отражены в ряде статей, в том числе в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для опубликования результатов научных изысканий, и апробированы в рамках научных стажировок автора исследования в Китае.

Представленная к защите диссертация Кочерова Олега Сергеевича на тему «Геополитический анализ факторов влияния на внешнюю политику КНР» является самостоятельной завершённой научно-исследовательской работой, соответствует п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», (утверждено Правительством Российской Федерации 24 сентября 2003 г. №842). Автор диссертационного исследования заслуживает присуждения учёной степени кандидата политических наук по специальности 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Официальный оппонент
доктор исторических наук,
профессор РАН,
главный научный сотрудник Центра Азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М.Примакова РАН

Ломанов А.В.

29 апреля 2019 г.

Ломанова Р.В.

(Искаженно ч.А)